

Подарки, разумеется, сразу унесли — учёные люди никогда не пересчитывали дары при гостях. Только самые близкие друзья могли позволить себе такую вольность; иначе — строго соблюдали приличия и держали достоинство.

Духовная честь учёного в древности — дело серьёзное. Одно неуместное движение могло нанести непоправимый урон репутации.

Поэтому Вэнь Жунь вошёл в дом один, а сопровождавших его людей тут же встретила прислуга.

Место для приёма гостей у ректора У находилось в главном зале первого двора, а его кабинет располагался в западном флигеле.

Вэнь Жунь направился прямо в кабинет, минуя гостиную.

— Господин, пришёл господин Вэнь! — доложил слуга.

Прислуги у ректора У было немало: вот этот самый средних лет привратник, молодые слуги, обслуживающие господина и молодого барина, личные сопровождающие, а во внутренних покоях — поварахи, няньки, горничные и прочие служанки.

Дом ректора У представлял собой трёхдворную усадьбу с двумя боковыми пристройками и конюшней — одна из самых роскошных резиденций в уездном городе.

Настоящий образец высокого жизненного уровня для древнего цзюйжэня!

Вэнь Жунь пока до такого уровня не дотягивал. У него в доме слуг было мало, но он считал, что и так хватает — не собирался расширять штат.

Да и вообще старался жить экономно.

В кабинете находились двое: сам ректор У и Сюй Юй.

Войдя, Вэнь Жунь первым делом поздравил ректора:

— С Новым годом и великой удачи! Всего наилучшего!

Эти восемь иероглифов он обдумывал всю дорогу. Ведь новогодних пожеланий множество, но выбрать такие, чтобы собеседнику было приятно слушать, — целое искусство.

Он специально выбрал эти слова: простые, ничем не выдающиеся, но и не вызывающие ни

малейших нареканий. В самый раз.

Ректор У одобрительно кивнул, поглаживая бороду:

— Отлично! С Новым годом! Ты как раз вовремя. Подойди, поздравь Сюй Юя — вы же знакомы.

— Брат Сюй, счастья и удачи! Всего наилучшего! — Вэнь Жунь улыбнулся и первым поклонился Сюй Юю.

Сюй Юй был на три года старше него. Хотя его учёная степень была ниже, они всё равно считались однокурсниками и старыми знакомыми.

К тому же семья Сюй Юя занималась небольшой торговлей (формально под именем его матери), так что пожелание «счастья и удачи» было особенно уместно.

— Брат Вэнь, и тебе удачи и всего наилучшего! — с лёгкой усмешкой ответил Сюй Юй. — Я как раз собирался десятого числа поехать к тебе в гости, а ты сам приехал в город.

— Это мой первый Новый год в доме семьи Ван, так что немного опоздал с визитом к вам, — объяснил Вэнь Жунь. — Заодно решил привезти детей в город — пусть посмотрят, погуляют. А сам теперь, кажется, наконец-то обрёл время для чтения книг!

На самом деле он давал понять: он не собирается дальше сдавать экзамены.

Его путь как учёного заканчивался на степени цзюйжэня.

А как иначе? Ведь в графе «фамилия» на экзаменах он должен был бы писать... чью?

Неудивительно, что прежний хозяин этого тела буквально умер от душевных мучений. Для настоящего древнего учёного подобное — сокрушительный удар.

Ректор У и Сюй Юй прекрасно поняли, что имел в виду Вэнь Жунь, и больше не стали развивать эту тему. Вместо этого ректор сразу перешёл к делу — и сразу же обрушил сенсацию:

— Уездного начальника сменили.

— А?! — Вэнь Жунь и правда удивился. Он даже не успел пригубить чашку чая, которую подал ему слуга, как чуть не подскочил с места: — Когда это случилось? Я и не знал!

Он ведь даже подарок для уездного начальника приготовил — честно говоря, даже дороже, чем

для ректора У.

Всё-таки дарить подарки чиновнику и ректору — не одно и то же.

Оба подарка были тщательно подобраны и весьма щедрыми.

А теперь выходит — уездного начальника сменили?

— Признаки появились ещё до Малого Нового года, — пояснил ректор У. — Потом прибыл чиновник — сам инспектор из провинции. Он приехал не только для того, чтобы отстранить уездного начальника, но и закупить продовольствие для армии. Однако из-за снегопадов задержался на несколько дней, а уезжал уже в спешке. Да и погода стояла ужасная, Новый год на носу... Ты же в город не приезжал — вот никто и не сообщил тебе.

— К тому же этот уездный начальник был нечист на руку, — добавил ректор. — Перед отъездом ещё и притворялся, скрывал правду, надеялся собрать новогодние подарки! Но инспектор его прямо с места увёз под стражей.

В сущности, всё объяснялось просто: Ляньхуа'ао был слишком глухим местом.

Кто станет специально пробираться сквозь метели, чтобы сообщить Вэнь Жуню, что уездного начальника сменили?

К тому же все в городе уже обсуждали это событие. Хотя уездный начальник уехал внезапно, помощник уездного начальника господин Ли остался на месте. А раз Новый год, да ещё и «печать закрыта» (время, когда государственные учреждения не работают), то слухи быстро затихли.

Уездный начальник исчез почти бесследно — проводить его никто не пришёл. Инспектор увёз его вместе со всей семьёй, включая секретаря Мао.

Ведь Мао был личным советником, нанятым именно этим уездным начальником.

Все остальные советники тоже уехали вместе с ним.

Говорят, когда этот чиновник впервые прибыл в уезд, приём был грандиозным: местные знатные семьи устраивали пиршества несколько дней подряд. И предыдущий уездный начальник, уходя в отставку, тоже получил пышные проводы — ведь он прослужил здесь целых двадцать лет! Даже если и не было великих заслуг, то уж трудов точно хватало.

Тот уездный начальник прибыл с шумом и ушёл с почетом.

Люди даже немного грустили — ведь он был добродушным стариком.

Нынешний, конечно, не ангел, но и не злодей. Пусть у него и был бездарный шурин, и пусть он поступил нехорошо именно с Вэнь Жунем (да ещё и скрыл это), но для большинства жителей уезда он был вполне приемлемым чиновником: не выжимал из народа последние гроши, не грабил до костей — а значит, считался «хорошим».

Но ушёл он не только быстро, но и совершенно тихо — будто его и не бывало!

Вэнь Жунь немного подумал — и вдруг рассмеялся:

— Ну и ладно, что ушёл! Зато не будет в будущем искать повода досадить мне.

«Бедняк не соперничает с богачом, простолюдин не спорит с чиновником» — это не просто поговорка.

Хотя учёная степень у Вэнь Жуня была получена честно, за ним всё же оставалась та история с подменой личности. Что, если через несколько лет бывший уездный начальник вдруг решит «свести счёты»? Вэнь Жунь и сам боялся такого поворота!

«Уездный начальник может разорить дом, а уездный судья — уничтожить весь род» — эти слова не на ветер сказаны.

Если бы тот чиновник задумал мстить, Вэнь Жунь, возможно, и справился бы, но это стоило бы ему огромных сил. А у него теперь целая семья на руках!

Так что смена уездного начальника — даже к лучшему.

— Не волнуйся, высокие чиновники — люди широкой души, — успокоил его ректор У. Он до сих пор думал, что Вэнь Жуню никто не сообщил о смене чиновника просто потому, что тот сменил место жительства и регистрацию.

Подобное случалось редко, но всё же бывало.

Для ректора У все посыльные и чиновники низшего звена были «просто слугами» — он их презирал, считая глупыми, невежественными и подлыми.

Ему и в голову не приходило, что за этим может скрываться нечто большее.

— Вы правы, учитель, — Вэнь Жунь не стал вдаваться в подробности. Но по тону ректора он понял: бывшего уездного начальника либо разжаловали, либо уволили. Как бы то ни было, в

этом мире, с его сложностями передвижения, тот чиновник с вероятностью 99% никогда больше не вернётся в уезд Юннин.

В древности даже простая поездка в другой город была делом непростым, а уж для чиновника — тем более. Согласно правилам того времени, чиновникам запрещалось служить в своём родном уезде — они обязаны были работать вдали от дома. Это называлось «системой отвода».

В отличие от современности, в древности клановые связи и родственные узы были невероятно сильны — ведь семьи жили в одном месте поколениями. Чтобы предотвратить коррупцию и пристрастность, государство ввело строгие правила: территориальный отвод, родственный отвод, отвод при экзаменах, отвод при судебных разбирательствах и так далее.

Всё это было устроено очень сложно: даже если купить чин (а это было возможно), нужно было соблюсти массу условий. А уж для настоящих чиновников с реальной властью требования были ещё строже.

— Новый уездный начальник, говорят, вступит в должность только после Нового года, — продолжил ректор У, поглаживая бороду с мечтательным видом. — Но из гостиницы в уездном центре пришло известие: второго числа второго месяца, в День поднятия Дракона, в уездном центре провинции устроят литературный салон. От каждого уезда приглашают по несколько человек. Вот мы и подумали: устроим у нас новогоднее собрание учёных, чтобы решить, кого отправить.

Литературные салоны — это прерогатива уездного центра провинции. В их глухом Юннине такого не устроишь. Поэтому каждый год они и собирались на своё скромное «новогоднее собрание».

Чтобы устроить настоящий литературный салон, нужны не только учёные, но и «изящные люди» — ценители изящных искусств. Учёных в уезде хватало, но «изящных людей» — нет.

Простые крестьяне, еле сводившие концы с концами, где уж им до «изящества»?

В уезде было всего несколько зажиточных семей в городе и по паре богачей в деревнях — и всё.

Учёного можно выучить, а «изящного человека» — нет.

Вот почему ректор У так завидовал жителям уездного центра, где проводили настоящие литературные салоны.

Любой учёный в возрасте, понимающий, что карьерный рост для него закрыт, неизбежно начинал мечтать о жизни вольного, независимого «изящного человека».

Жаль только, что сам ректор У таким не был.

Он был всего лишь ректором местной школы — точнее, «цзяюй» (наставником уездной школы).

Именно поэтому он и занял должность ректора: «цзяюй» отвечал за управление уездной академией, проводил жертвоприношения в храме Конфуция и курировал обучение учеников.

В уездной школе также полагалось несколько «сюньдао» — наставников. Именно двое других учителей и были этими «сюньдао». Официально их нельзя было называть «учителями» («сяньшэн»), хотя ученики всё равно звали их так.

«Сюньдао» — это помощники «цзяюй» (наставника), а «чжудо» — приглашённые преподаватели по контракту.

В уездной академии приглашённых учителей не было — учеников было немного, и трёх учителей вполне хватало.

В уездном центре провинции (фу) тоже существовала своя академия. Тамошние «цзяюй» чаще всего были выпускниками императорских экзаменов (цзиньши) и назначались напрямую из центрального правительства.

А вот «сюньдао» фу-академии, а также «цзяюй» и «сюньдао» уездных школ, как правило, были цзюйжэнями или гуншэнами (выпускниками провинциальных академий), которых назначало управление провинциального казначейства (фансы).

Эти школьные чиновники не имели никакого отношения к судебным делам. Они гордились девизом: «Скромное жалованье — достаток, низкий чин — достоинство». Таких называли «благородными чиновниками в бедности» или просто «цинлю» — «чистыми» (не замешанными в коррупции и политиканстве).

Преподавание в таких академиях строилось в основном на учении Конфуция и Мэнцзы, поэтому их и называли «жу сюэ» — «конфуцианскими школами». Они делились на четыре уровня: уездный, окружной, областной и провинциальный, и предназначались для подготовки «шэньюаней» (лиц, получивших степень суйцай). Почти все такие школы были государственными.

Частные академии в наше время встречались редко. Только самые крупные из них — поддерживаемые местной знатью или богатыми купцами и имеющие многолетнюю историю — получали признание от императорского двора. Например, знаменитые «Четыре великие академии» или «Восемь клановых школ».

Должность «цзяюй» соответствовала восьмому рангу чиновничьей иерархии. Жаль только,

что эта должность была чисто педагогической — никакой реальной власти она не давала.

— Литературный салон — это пока слишком далеко от нас, — сказал Сюй Юй. — Давайте сначала обсудим всё на нашем новогоднем собрании! Можно будет просто предложить: у кого есть время — пусть едет. Не стоит слишком придираться. Ректор, у нас ведь и так мало желающих.

Ректор У вздохнул:

— Да, желающих мало...

Ведь в этом году не было провинциальных экзаменов (сянши) — они проводились раз в три года, и следующие ожидалось только в следующем году!

— По-моему, лучше вообще не ехать, — сказал Вэнь Жунь. — Лучше дома спокойно готовиться к экзаменам. В следующем году как раз сянши — вот тогда и поедем! Там можно будет пообщаться с другими кандидатами, обменяться опытом.

В памяти прежнего хозяина тела Вэнь Жунь не находил воспоминаний о литературных салонах.

Новогодние собрания бывали, но смутно — прежний хозяин был крайне застенчивым и скромным, в академии не выделялся, хоть и учился отлично.

— Ты прав, — согласился ректор У, — но вдруг кто-то всё же захочет поехать? Лучше всё обсудить на собрании.

Только он это сказал, как в дверях снова появились гости.

Сегодня у ректора У, видимо, будет особенно оживлённый приём!

Пришли ученики академии и двое других учителей.

Все начали обмениваться приветствиями, болтать, обсуждать вопросы из книг.

Вэнь Жунь теперь сам был цзюйжэнем, поэтому двое суйцаев присоединились к Сюй Юю и окружили его, расспрашивая о провинциальных экзаменах.

Несколько человек слушали со стороны, и Вэнь Жунь щедро делился своими наработками.

Сюй Юй, взглянув на шумную группу, тихо сказал ему:

— Хотя ректор и оба учителя тоже цзюйжэни, они сдавали экзамены давно. Многое из того, что ты знаешь, для них уже устарело.

Степень цзюйжэня — настоящий водораздел.

Сюйцай — лишь первая ступень, своего рода «послушник».

А цзюйжэнь — уже полноценный член сообщества учёных. Если идти дальше и сдать императорский экзамен, даже получив лишь младшую степень цзиньши («тун цзиньши»), всё равно станешь цзиньши — а это уже прямой путь в чиновники, куда проще, чем для цзюйжэня.

К тому же на провинциальных экзаменах часто спрашивали о текущих делах провинции, предлагали писать стратегические эссе (цэлунь), касающиеся актуальных государственных вопросов.

Ректор У и его коллеги узнавали обо всём этом лишь из официальных правительственных «дывбао».

«Дывбао» — это официальный бюллетень, издававшийся при дворе для распространения указов, решений и новостей по всей стране. По сути, это была древняя газета.

Её прообраз появился ещё в Западной Хань более двух тысяч лет назад — так что у неё долгая история.

Однако такие «газеты» распространялись только среди правительственных учреждений. Простым людям купить их было невозможно — власти не продавали!

Лишь частные школы и академии могли получать «дывбао»: ректора или учителя либо покупали их (иногда через связи), либо переписывали вручную, а потом использовали как дополнительный материал для учеников.

Поскольку «дывбао» содержали важнейшие новости о делах империи и указы двора, они пользовались огромным авторитетом.

В некоторых местах их содержание даже считалось секретным!

Даже переписанные выдержки могли быть неполными — ведь речь шла о государственных делах. Поэтому многие учёные регулярно ходили в академию, чтобы читать «дывбао»: они хотели быть в курсе политики и событий в стране, надеясь уловить какие-то полезные слухи или тенденции.

Ведь если отстать от времени — потом очень трудно будет вновь влиться в поток.

Пусть даже темп жизни в ту эпоху и был медленным.

— Я тоже узнал всё это из выписок из «дывбао», — осторожно сказал Вэнь Жунь. Он не мог позволить себе заявить, будто знает больше, чем ректор У.

Иначе какой он после этого человек?

И тут в дверях появились ещё двое.

Едва они вошли... в комнате воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/15642/1398080>